

Мифу Миф? Военнопленные-интернационалисты и Гражданская война на Востоке России в зеркале советской историографии

Тема участия военнопленных-интернационалистов в Октябрьской революции и Гражданской войне в России была одной из приоритетных в советской историографии¹. В 1967 г. один из авторитетнейших исследователей ретроспективной проблематики А. Манусевич подчеркивал: «...Работы, посвященные истории интернационалистского движения, выходят из печати во многих городах нашей страны: в Москве, Ленинграде, Киеве, Ташкенте, Уфе, Челябинске, Барнауле, Свердловске, Алма-Ате, Улан-Удэ, Иркутске, Одессе, Петрозаводске, Новосибирске, Томске, Тюмени и т.д. Это перечисление городов отражает тот факт, что деятельность интернационалистов протекала в разных районах страны, и то очень важное обстоятельство, что следы этой деятельности отложились во многих местных архивах и в местной большевистской периодической печати...»².

Действительно, уже за первые полвека, минувшие с 1917 г., число специальных исследований участия военнопленных-интернационалистов в Октябрьской революции и Гражданской войне в России достигло нескольких сотен, и по географии этих изданий можно было изучать географию страны³. При этом история революционизации пленных и их солидаризации с чаяниями «трудового народа» постепенно обретала все более монотонное звучание. В итоге история эта стабилизировалась в рамках нескольких тезисов, аккуратно воспроизводившихся из книги в книгу, из статьи — в статью. Уральские вариации на тему интернационального «братства» в общем и целом повторяли — местами дословно — набор известных универсальных конвенций, обоснованием которых были материалы периферийных архивохранилищ, региональной прессы, а там, где их не хватало, — воспоминания очевидцев⁴.

¹ См., напр.: Весенин Е., Светлов А. Миллионы друзей. — М., 1940; Голуб П. Братство, скрепленное кровью. — М., 1958; Жаров Л.И., Устинов В.М. Интернациональные части в боях за власть Советов. — М., 1960; Интернационалисты в боях за власть Советов. — М., 1965; Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. — М., 1967; Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов. — М., 1987; Комарова Ф.А. Интернационалисты зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России. — М., 1958; Краснов В.Г. Интернационалисты на фронтах гражданской войны. — М., 1989; Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. — М., 1970; Яковлев Л.И. Интернациональная солидарность трудящихся за рубежом с народами Советской России. 1917–1922. — М., 1964 и мн. др.

² Манусевич А. Состояние и задачи изучения истории интернационалистского движения в России в 1917–1920 гг. // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. — М., 1967. С. 44.

³ Библиографию темы см.: Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке республики. — М., 1971. С. 238–264.

⁴ Ананьев В.И. В борьбе рожденное братство. — Челябинск, 1966; Антонов С.И. Ярослав Гашек в Башкирии. — Уфа, 1960; Данилов В.А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. — Свердловск, 1972; Козырев А. Интернациональные бригады на Урале // Урал. — 1961. — № 2; Морзо-Морозов К.А. Интернациональные части Красной Армии на Урале в 1918–1919 гг. // На

Излишне напоминать, что относительно недавно партийно-классовый подход был обязательным при анализе любых составляющих исторического процесса в России и СССР. В случае с изучением судеб пленных иностранцев в революционной России альтернативы также не предполагалось, и усилия историков прежде всего оказались сосредоточены на поиске у пленных классового сознания. Как его проявления были квалифицированы практически все случаи неповиновения бывших вражеских военнослужащих военным или гражданским властям и в первую очередь — отказы от работ. А поскольку такого плана эксцессы были делом нередким, советская литература датировала первые «революционные выступления» пленных аж началом лета 1915 г.¹ Более того, некоторые авторы утверждали, что «уже в 1915–1916 гг. в Сибири и на Урале возникли первые *революционные* кружки и группы военнопленных, которые вели антивоенную, социал-демократическую пропаганду, устанавливали связи с большевиками»². Однако иточкики свидетельствуют, что радикализация военнопленных обрела зримые контуры в лучшем случае к началу 1916 г., а если рассматривать ее как тенденцию, то только к весне 1917 г.³ До того выступления пленных носили стихийный характер и за пределы ситуативных конфликтов не выходили. Так, в феврале 1916 г. в Морозковском лесничестве Богословского горного округа противостояние военнопленных-румын и администрации было спровоцировано самой администрацией, которая, считая работу пленных неудовлетворительной, уменьшила их паек и ужесточила охрану. В мае 1916 г. начались волнения среди пленных, работавших на рудниках Богословского горного округа. Выяснилось, что причиной всему стали слухи об освобождении с 15 мая пленных от работ, порожденные, в свою очередь, распоряжением верхотурского уездного воинского начальника о составлении списков хорватов, подлежащих в перспективе переводу в другое место. 2 мая 1916 г., 110 военнопленных, находившихся в Усть-Катавском заводе, не вышли на работу, ссылаясь на грубость охраны и требуя освободить их товарища, арестованного накануне за отлучку с завода. В июле 1916 г. о своем отказе работать заявило 135 присланных из Ишима на Полазненский завод бывших военнослужащих 28-го и 88-го пехотных полков австро-венгерской армии, которые сдались в плен добровольно и потому были уверены, что принуждать к труду их никто не будет. 15 сентября 1916 г. 130 пленных с Койвенских рудников Лысьвенского горного округа заявили уряднику, что если им до 20 числа не будут

фронте и в тылу. — Пермь, 1959; Рычкова Г. Красная гвардия на Урале. — Свердловск—М., 1933; Хильченко М.П. Интернационалисты в Екатеринбурге в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны // Партийные организации во главе борьбы за разгром интервентов и белогвардейцев. — Свердловск, 1984; Шакин И.М. Об участии интернациональных отрядов в гражданской войне на Урале // Тр. Свердловского областного краеведческого музея. Вып. 1. — Свердловск, 1960; Щербаков Ю. Иностранцы интернационалисты на Восточном фронте. (1918 г.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. — М., 1965 и др.

¹ Попов Н.А. Революционные выступления военнопленных в России в годы первой мировой войны // Вопросы истории. — 1963. — № 2. С. 77.

² Щербаков Ю.Н., Данилов В.А. Зарубежные интернационалисты в борьбе против интервентов и белогвардейцев на Урале и в Сибири // Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке республики. — М., 1971. С. 72.

³ Но и как тенденция — далеко не везде. В воспоминаниях бывшего военнопленного С. Плускоты читаем: «Февральская революция прошла как-то мимо нас — не принесла ни изменений, ни облегчения». (См.: Поворот мирового значения: Воспоминания немцев — участников Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы против интервентов и контрреволюционеров в 1917–1920 годах. — М., 1964. С. 129).

предоставлены выходные дни, то они оставят работы и уйдут с рудников. Одно из крупнейших выступлений пленных, случившееся в начале марта 1917 г. в Каслях, было вызвано тем, что им вместо белого хлеба выдали черный¹.

Никаких политических, да и серьезных экономических требований пленные не выдвигали, и говорить об их революционном настроении было бы очевидной натяжкой. Однако тезис о том, что «еще до Февральской революции рабочий класс Урала находит поддержку в своей борьбе среди военнопленных и иностранных рабочих» прочно обосновался в литературе². Из этого далеко не очевидного утверждения последовало другое еще менее очевидное. Советские историки уверенно отождествляли протестные настроения пленных иностранцев с целями российского антивоенного и антиправительственного движения, отказывая им в возможности хотя бы мизерной мотивационной дистанции. Благостная картина единения интересов пленных иностранцев и русских солдат в красках выглядела примерно так: «Беседы русских солдат с военнопленными большей частью затрагивали один общий для них вопрос: как отделаться от службы на фронте империалистической войны. Военнопленные советовали русским солдатам сдаваться в плен, объясняли им, как лучше пройти через фронт, давали адреса своих родственников, с которыми они могли бы связаться во время пребывания в плену и этим, быть может, улучшить свое тяжелое положение пленного. Эта агитация зашла так далеко, что отправляющиеся на фронт русские солдаты целыми группами приходили к военнопленным за советами. Они видели в военнопленных не врагов, а своих *товарищей* по несчастью»³.

Между тем отношения товарищества и поддержки были совсем не обязательными в межгрупповой коммуникации пленных иностранцев и местного рабочего и солдатского населения. Уже после Февральской революции, 13 марта 1917 г., заведующий делами Управления Сергинско-Уфалейскими заводами сообщил Окружному инженеру Западно-Екатеринбургского горного округа что, рабочие доменного цеха «просили убрать военнопленных, которые работают в доменном цехе, заявив, что и своих рабочих достаточно»⁴. В июле 1917 г. увольнение пленных потребовали от администрации рабочие Невьянского завода, а одновременно проходившее солдатское собрание постановило усилить охрану пленных и впредь за небрежную работу или отказ от таковой подвергать их наказанию и переводу на более грязные и тяжелые участки производства⁵. 8 декабря 1917 г. Совет рабочих депутатов Верх-Исетского завода предписал заводоуправлению «пленных, которые работают и желают работать, тех пленных перевести в лучший барак и выдать им теплые вещи для работы, а которые не желают работать, у тех отобрать заводские вещи и передать тем, которые желают работать»⁶. При всем желании достаточно трудно признать на-

¹ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 272. Л. 7; Ф. 123. Оп. 1. Д. 63. Л. 23; Ф. 24. Оп. 20. Д. 2825. Л. 15. ГАПО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 303 об.; Д. 95. Л. 168, 168 об., 428.

² Хильченко М. П. Интернационалисты зарубежных стран на Урале в 1918–1920 годах: Автореф. ... к.и.н. – Свердловск, 1966. С. 8.

³ Шнейдер И. Революционное движение среди военнопленных в России 1915–1919 гг. // Борьба классов. – 1935. – № 3. С. 56.

⁴ Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах. Т. II: 1917 г. (февраль–октябрь). – Свердловск, 1927. С. 53.

⁵ Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах. С. 212; Уральская жизнь. – 1917. – 9 июля. (№ 147).

⁶ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 93.

мерение «уволить», «наказать» или «отобрать» у пленных что бы то ни было проявлением дружеских чувств, хотя и полностью отрицать наличие последних не приходится. 29 мая 1917 г. рабочие электрического цеха Лысьвенского механического завода, заслушав сообщение о начавшихся среди товарищей из других цехов протестов против назначения добавки к зарплате военнопленных, подчеркнули, что «такие возражения делаются неправильно», что здесь «налицо следствие той политики натравливания рабочих одной страны на рабочих другой, что это издавна служило в руках буржуазии надежным средством к укреплению ею своих позиций против рабочего класса»¹.

Почин электриков Лысьвы поддержали рабочие ряда других предприятий края, а в июле 1917 г. решение об уравнивании зарплаты всех трудящихся, «независимо от пола, возраста и национальности рабочего, а также военнопленных и ввозных рабочих»², было зафиксировано в резолюции окружного Приуральского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о минимальной заработной плате. В июле же 1917 г. состоялась I Уральская областная конференция профсоюзов, в материалах которой нашли отражение самые разные оттенки отношений русских пролетариев и плененных иностранцев — от враждебного до доброжелательного³, то есть, как правило, отношений неоднозначных, что ставит под сомнение исключительно позитивную риторику на сей счет.

Отдельного внимания требует заявление советских авторов о судьбоносности для плененных российских событий 1917 г., — судьбоносности, состоявшей в их освобождении от «тюремно-лагерного режима» и улучшении экономического положения. М.П. Хильченко указывает, что «созданный при Екатеринбургском Совете отдел по делам военнопленных во главе с С.С. Симашко проделал большую работу по улучшению условий труда иностранных рабочих. С 1 декабря 1917 г. запрещалось использовать военнопленных для частных надобностей (кучера, прислуга)»⁴. На самом деле такой запрет был введен значительно раньше, еще при «проклятом царизме» (в феврале 1916 г.), а затем продублирован аналогичными решениями «антинародного» Временного правительства (в январе–феврале 1917 г.)⁵.

Что касается социоправового положения военнопленных, то после Октябрьской революции 1917 г. оно действительно изменилось. В декрете Совета народных комиссаров, принятом в декабре 1917 года, объявлялось: «Революционная Россия не может мириться с режимом гнета и насилия. Подняв знамя борьбы, мира и братства народа, рабоче-крестьянская Русь, естественно, стремится сорвать цепи неволи и с военнопленных всех категорий...»⁶. Цитируемый документ стал основанием для умозаключений о том, что пленные были признаны большевиками «равноправными членами советского общества», поскольку получили право свободы передвижения, возможность устраивать собрания и митинги, издавать газеты и политическую литературу, создавать свои организации⁷.

¹ Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах. С. 146.

² Там же. С. 149.

³ Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах. С. 206–249.

⁴ Хильченко М.П. Интернационалисты на Урале в период Великой Октябрьской социалистической революции // Осуществление принципов пролетарского интернационализма в процессе социалистической революции. — Свердловск, 1974. С. 66.

⁵ ГАПО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 212; Зауральский край. — 1917. — 5 февр. (№ 29).

⁶ Цит. по: Данилов В.А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. — Свердловск, 1972. С. 6.

⁷ Хильченко М.П. Интернационалисты на Урале в период Великой Октябрьской социалистической революции. С. 65; Она

Однако этот «невиданный в истории акт гуманного отношения к военнопленным, конкретное проявление пролетарской солидарности» имел вполне конкретные пределы.

Со свободой перемещения пленных было покончено уже 22(9) февраля 1918 г., когда главноуполномоченный отдела военнопленных при военно-областном комиссариате С.С. Симашко подписал постановление следующего содержания: «I. Никакого передвижения военнопленных без разрешения областного отделения военнопленных, находящегося в Екатеринбурге, не разрешается. II. Выезд военнопленным и военноподержанным в Петроград, прифронтовые области и северные голодные губернии *абсолютно воспрещается ...*»¹. Пленным офицерам были запрещены любые перемещения без конвоя, более того, ко всем офицерским баракам выставлялась охрана, и надзор за военнопленными офицерами усиливался². Вскоре было покончено и с равноправием. В конце мая 1918 г. Центропленбеж сообщил на места, что военнопленные не могут назначаться ни на какие ответственные должности административного характера³. В ряды Красной армии также мог вступить далеко не каждый желающий. Туда брали только «сознательных товарищей», которые были членами компартии или, в крайнем случае, так называемыми «сочувствующими», приняли советское гражданство и имели рекомендации комитета военнопленных социал-демократов-интернационалистов⁴.

Что до данных военнопленным свобод устраивать собрания, митинги, издавать газеты, политическую литературу, создавать свои организации, то это, скорее, стало теперь их обязанностью, нежели правом. В феврале 1918 г. из Петрограда была отправлена телеграмма, требовавшая организовать ряд выступлений пленных под лозунгом «Долой войну!», «Да здравствует международная революция и братство всех народов!», а также объединить пленных солдат в специальные комитеты при местных советах⁵. В свете этого и подобных ему свидетельств эпохи идея безусловной добровольности и осознанности участия пленных иностранцев в защите завоеваний Великого Октября⁶ представляется не совсем корректной. Организация военнопленных, — а именно так этот процесс и называется в источниках, — изначально представлялась новой властью как одна из важнейших задач. Один из делегатов III Уральского областной партконференции, состоявшейся 2–5 января 1918 г., писал 12 января в газете «Уральский рабочий», что из военнопленных можно и нужно «выработать» хороших революционеров. Причем означенная «выработка» не заставила себя ждать: уже 28 января 1918 г. в ЦК РСДРП(б) на имя Е. Стасовой пришло письмо из Екатеринбурга, в котором помимо всего прочего сообщалось: «*Организуем военнопленных*»⁷.

же. Интернационалисты на Урале (1917–1918 гг.) // Из истории партийных организаций Урала: Тр. кафедры истории КПСС. – Свердловск, 1962. С. 14.

¹ Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1918. – 1 марта (16 февр.).

² Там же. 1918. 7 марта (22 февр.).

³ Известия Челябинского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и армейских депутатов. – 1918. – 1 июня.

⁴ Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1918. – 23 мая; Уральский рабочий. – 1918. – 4 апр.

⁵ Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1918. – 23 мая; Уральский рабочий. – 1918. – 23(10) февр.

⁶ В боях и походах. Воспоминания участников гражданской войны на Урале. – Свердловск, 1959. С. 10.

⁷ Хильченко М.П. Интернационалисты на Урале в период Великой Октябрьской социалистической революции. С. 68.

Понятие «организованные пленные», переключавшее впоследствии из официальных документов в мемуарную литературу, оказалось слишком многозначным, чтобы принять его за свидетельство только самоорганизации пленных. Его активное муссирование сыграло с советской историографией злую шутку. Постоянные апелляции к идее громадной роли партии большевиков в деле политического воспитания и организации бывших военнослужащих германской, австро-венгерской, турецкой и болгарской армий стали почвой для формирования в «буржуазной» историографии «мифа» о том, что движение трудящихся зарубежных стран в защиту Советской власти было *инспирировано* «кучкой революционеров»¹. Ответ на этот выпад со стороны западных «фальсификаторов истории» дал А. Шипек: «Опыт гражданской борьбы в Советской России показал, что военнопленные массы, в своей основе состоящие из пролетариата, сами без всяких агитационных призывов и руководства сверху организовывались в вооруженные отряды для борьбы с контрреволюцией, хотя бы своей собственной»². Но такая трактовка исторических событий противоречила самому названию статьи А. Шипека, где речь шла об *использовании* военнопленных в гражданской войне. Кроме того, стремление представить процесс объединения пленных под знаменами русской революции как самостоятельный, впоследствии было подхвачено scholarly традицией стран социалистического лагеря, «дочерней» по отношению к советской историографии, в результате чего родился новый «миф» — миф о чуть ли не решающей роли военнопленных-интернационалистов в защите Советской республики от сил внутренней и внешней контрреволюции. Развенчивая и тот и другой, отечественные исследователи так и не смогли дать внятного ответа на вопрос, чего же было больше в революционизации и большевизации пленных иностранцев — личного или организованного? Балансируя между крайностями, советские историки высказали мнение, что при всем обилии разноречивой казуистики «правильно» будет считать, что «трудящиеся зарубежных стран оказывали поддержку рабочим России — передовому отряду мирового пролетариата»³, но не более того.

Концепция «поддержки», при всей туманности вокруг проблемы источников революционного движения военнопленных и мотивов их последующего участия в гражданской войне, не отменяла задачи выявления масштабов указанной «поддержки» и ее значения. Но массовость военно-революционных объединений из пленных, несмотря на сотни исследований этого вопроса, до сих пор не поддается более или менее точной оценке. Тот факт, что в первые месяцы 1918 г. интернациональные отряды были организованы в 400 пунктах России, а в 89 городах из иностранцев были сформированы отдельные роты, батальоны или полки, демонстрирует лишь широчайшую географию пребывания бывших военнопленных в стране⁴. Учитывая же весь разброс цифр об общей численности пленных в России и количественном составе интернациональных формирований Красной армии, позволительно заключить, что суммарная доля иностранцев в рабоче-крестьянских

¹ См. об этом: Яковлев Л. Об источниковедческой базе изучения истории интернациональной солидарности трудящихся // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. С. 47.

² Шипек А. Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войне // Война и революция. – 1928. – № 2. С. 72.

³ Муратов И. Из истории интернациональных формирований в СССР в 1918–1922 годах (Обзор литературы) // Военно-исторический журнал. – 1960. – № 5. С. 95. См. также: Ананьев В.И. Указ. соч. С. 117; Хильченко М.П. Интернационалисты на Урале (1917–1918 гг.). С. 22 и др.

⁴ Интернациональное братство. Об опыте интернациональных связей Свердловской области. – Свердловск, 1988. С. 29–30.

формированиях могла составлять от 7,5 % до 13 %¹. Для ряда авторов этого оказалось достаточно, чтобы прийти к удивляющим своей смелостью выводам типа: «пролетариат *всего мира* развернул мощное движение протеста», «молодая Советская власть с первых же дней своего существования *обрела полное сочувствие и симпатии* угнетенных и эксплуатируемых народов *всего мира*», «*международный пролетариат* встал на защиту первого в мире пролетарского государства»².

Такого рода допущения, точнее, обобщения, видятся как минимум некорректными, и их условность лишь подчеркивается оговорками о немногочисленности вышедших из числа бывших военнопленных борцов за светлые идеалы Октября³. М.П. Хильченко акцентирует внимание на том, что роль интернациональных частей измерялась не только и не столько их численностью: «Их возникновение наглядно подтверждало ту великую истину, что дело, за которое боролось молодое Советское государство, пролетариат всех стран воспринимал как свое собственное, родное дело, что идея пролетарского интернационализма, овладевшая массами, стала могучей интернациональной силой»⁴. Пристальное рассмотрение источников показывает, что вовлечение пленных иностранцев в борьбу за власть Советов имело совсем иное — прикладное — назначение, и митингово-лозунговая стилистика при характеристике этого процесса есть ничто иное, как лукавая попытка дезавуировать истинные устремления большевиков.

Участие пленных иностранцев в вооруженном противоборстве с контрреволюционными силами имело, без преувеличения, огромную важность. Ставка на вчерашних узников мировой войны была обусловлена тем, что пленные как люди с недавним военным прошлым были «удобнее в использовании», чем малограмотные крестьяне от сохи и городские обыватели, никогда не державшие в руках оружия. Бывший военнопленный Ференц Мюнних вспоминал впоследствии, что в Томске отряд интернационалистов оказался «*единственной подготовленной в военном отношении вооруженной силой* Томского Совета»⁵. В Верхотурье же местный комитет большевистской партии вооружил военнопленных сразу по свершении Октябрьской революции, поручив им расправу с представителями старой власти, охрану почты, милиции и железнодорожной станции⁶. А в одном авторитетном издании напрямую указывалось, что опыт, которым обладали военнопленные-интернационалисты имел «особую боевую ценность»: «Это давало командованию частей РККА возможность использовать их в качестве бойцов бронепоездов, летчиков и механиков авиаотрядов, оружейных мастеров, артиллеристов»⁷.

¹ О численности пленных I Мировой войны в России см.: Суржикова Н.В. К вопросу о численности военнопленных Первой мировой войны в России и на Урале // Россия в войнах начала XX века. Докл. науч. конф. — Екатеринбург, 2005. С. 282–305. О количественном составе интернациональных частей Красной армии см.: Ананьев В.И. Иностранцы советских рабочих и крестьян в Советской России (1918–1921 гг.) // Новая и новейшая история. — 1967. — № 5. С. 87; Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922). — М., 1957. С. 92; Глуговский А.Н. Из истории румынских коммунистических организаций и интернациональных частей на территории Советской России (1918–1920) // Новая и новейшая история. — 1957. — № 3. С. 8; Интернациональное братство. С. 62–63 и др.

² Интернациональное братство. С. 26–27. См. также: Поворот мирового значения. С. 37, 39.

³ Интернациональное братство. С. 63; Хильченко М.П. Интернационалисты зарубежных стран на Урале в 1918–1920 годах: Автореф. ... к и н. С. 17 и др.

⁴ Хильченко М.П. Указ. соч. С. 17.

⁵ В боях и походах. С. 534.

⁶ Интернациональное братство. С. 8.

⁷ Поворот мирового значения. С. 19.

Задача «распропагандаирования» пленных в целом ряде случаев оказывалась более достижимой, чем где бы то ни было еще, — и не только в силу их концентрации в стационарных лагерях. Агитация среди вчерашних вражеских военнослужащих ложилась на достаточно благодатную почву, так как старая социальная география для них была не столь актуальна: в настоящий момент все они были объединены общей судьбой пленников. Любая перемена обстановки расценивалась ими как возможное предвестие изменений и в их судьбе. Провозглашенные же большевиками пацифистские лозунги обещали долгожданное возвращение домой совсем скоро, и в надежде на его ускорение иностранцы вставляли под ружье быстрее, чем русские. Этот факт, признанный советской историографией¹, во многом объясняет другой небезынтересный казус: в то время как «Правда» по причине бумажного «голода» печаталась на двух полосах, на Востоке страны большевиками издавалось более 60 наименований газет на иностранных языках в несколько десятков тысяч экземпляров².

Кроме всего прочего, пленные обладали еще одним «бесценным» качеством, необходимым в условиях непримиримой гражданской войны. Они, не раздумывая, стреляли там, где «свои» могли замешкаться, глядя в глаза соотечественников. Едва ли стоит удивляться, что именно отряды интернационалистов отправлялись для нейтрализации «кулацких выступлений» в окрестностях Екатеринбурга, Курганском и Троицком уездах³.

Как представляется, задача создания из военнопленных I Мировой войны вооруженных отрядов для защиты власти Советов была первоочередной, и их формирование было, безусловно, кульминационной точкой в истории участия «трудящихся зарубежных стран» в трансформациях российского социума 1917–1922 гг. Высказанное вслед за другими авторами М.П. Хильченко мнение о создании иностранных групп РКП(б) как «высшем этапе в организационном оформлении революционного движения бывших военнопленных и иностранных рабочих»⁴ на самом деле исторической действительности не соответствует. В качестве аргумента можно было бы привести весьма скромную статистику партийности пленных иностранцев, которая по состоянию на лето–осень 1929 г. измерялась показателем в несколько сот человек в Екатеринбурге, Ишиме, Кургане, Кустанае, Перми, Троицке, Тюмени и Челябинске вместе взятым⁵. Однако эта статистика говорящей не является, поскольку к середине 1920 г. большая часть бывших военнопленных просто уехала на родину. Гораздо более красноречивым свидетельством спада политической активности иностранцев являются факты, фиксирующие смену приоритетов в отношении большевиков к своим вчерашним помощникам в борьбе за «правое дело». С освобождением территории Урала и Сибири от антибольшевистских сил функции иностранных групп РКП(б) свелись к пропаганде революционных идей среди отбывающих на родину военнопленных. Однако время ставило новые задачи, и

¹ Муратов И. Указ. соч. С. 99.

² Данилов В.А. Из истории прессы иностранных трудящихся-интернационалистов на Урале и в Сибири в 1918–1921 гг. // Из истории Уральского и Сибирских партийных организаций. — Свердловск, 1973. Вып. 7. С. 172.

³ В боях и походах. С. 535; Козырев А. Указ. соч. С. 175.

⁴ Хильченко М.П. Иностранные группы РКП(б) на Урале // Из истории партийных организаций Урала: Учен. зап. Уральско-го ун-та. Серия ист. № 3(43). — Свердловск, 1966. С. 9.

⁵ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 216. Л. 8, 13. См. также: Немцы в Прикамье. XX век: Сб. документов и материалов в 2-х тт.: Т. 1. Архивные документы. Кн. 1. — Пермь, 2006. С. 31–84.

вместо агитации среди соотечественников секции немецких коммунистов в Перми было, например, предложено отправиться на трудовой фронт, а в Екатеринбурге местный губком партии вообще поставил вопрос о ликвидации с 15 августа 1920 г. венгерской и немецкой организаций коммунистов как исчерпавших свои функции¹.

То, что вчерашние союзники по борьбе с контрреволюцией теперь только мешали друг другу, отчетливо проявилось в конфликте между Екатеринбургским губкомом и местной секцией иностранных коммунистов еще в марте 1920 г. В ответ на попытку губкома организовать митинг военнопленных от имени, но без ведома секции, ее президиум 4 марта 1920 г. постановил: «Ввиду того, что губком за последнее время вполне *игнорирует* президиум секции иностранных коммунистов, устраивает от имени секции митинг без ведома и участия последней и в связи с некоторыми другими случаями, которые ясно доказывают, что губком нисколько не интересуется секцией иностранных коммунистов, президиум считает дальнейшую работу при таких условиях невозможной, потому извещает губком, что чувствует себя принужденным сложить с себя всякую ответственность за дальнейшие работы секции и свою деятельность прекратить»². Секцию, естественно, не закрыли, — это случилось только в 1921 г., — но возникшая ситуация наглядно показала, что как инструмент решения внутривнутриполитических задач пленные больше не нужны, и даже те из них, кто мечтал строить социализм на русской земле, отправлялись теперь восвояси...³

Таким образом, легитимная версия участия пленных иностранцев в защите Советской власти с ее бесконечно порождавшими друг друга иллюзиями то тут, то там разбирается о коллизии прошлого. В рамках небольшой статьи разобраться в этих коллизиях, конечно же, невозможно, как невозможно опровергнуть десятилетиями складывавшуюся систему доказательств интернационального характера Великого Октября и исключительно праведных целей большевиков в гражданской войне. Однако то, что ревизия старых представлений о вовлечении пленных иностранцев в российские события 1917–1922 гг. необходима, в том числе и за счет вливаний архивных материалов, ранее использовавшихся избирательно, не вызывает сомнений.

¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 215. Л. 10; Немцы в Прикамье. С. 53.

² ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 733. Л. 368.

³ Поворот мирового значения. С. 87, 143, 162, 192, 226.